

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

В статье анализируются результаты познания свойств онтологической категории времени, закодированные в русском языке, прежде всего в его грамматической системе. В русском языке отражаются не только стереотипы обыденного восприятия времени, представляющие «наивную» картину мира, но и философское и естественнонаучное его осмысление. В работе рассматривается антропоцентризм языковых темпоральных категорий.

1. Разные аспекты изучения категории времени

Категория времени многоаспектна: время изучают в физике, философии, истории, фольклоре, литературе, культурологии, психологии, лингвистике. Имеется целый ряд когнитивных моделей времени, отражающих результат познания разных сторон этого сложного феномена. Говорят о физическом, онтологическом, психологическом, художественном, мифологическом, эпическом, языковом времени, рассматривая при этом такие параметры времени, как динамичность / статичность, линейность / нелинейность (циклическость), направленность, непрерывность / прерывность, конечность / бесконечность, гомогенность / гетерогенность и др. [Аскольдов 1922; Кандрашина и кол. 1989; Моисеев 1994]. В языке знания, полученные в ходе восприятия и осмысления мира, в том числе и результаты познания свойств времени, оптимальным образом закодированы, поэтому исследование языковых темпоральных структур позволяет объективировать ментальные формы и постичь концептуализацию мира человеческим сознанием и психикой [Кубрякова 2004: 52].

В языке реализуется несколько когнитивных моделей времени, определяемых как культурно-познавательным опытом этноса, так и свойствами самого языка, функционирующего в речи. «...Язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени. Он поэтому располагает богатейшим арсеналом внутренних – грамматических и лексических – средств для обозначения темпоральных аспектов действительности» [Арутюнова 1997: 9]. Особую роль в интерпретации идеи времени в языке играют глаголы, выражающие мир событий, существующих во времени [Болдырев 1994: 72].

2. Дейктические линейные модели времени

2.1. Обыденные и научные представления в языковых моделях времени. В русском языке отражаются не только стереотипы обыденного восприятия времени, представляющие «наивную» картину мира, но и результаты философского и естественнонаучного осмысления феномена времени, связанного с научной картиной мира. Как известно, на обыденные представления «проливают свет» метафорические языковые сочетания в их буквальном прочтении, в данном случае буквальным смыслом сочетаний с глагольными предикатами лексемы *время*, а также внутренняя форма и сочетаемость других темпоральных лексем. В русской языковой картине мира (ЯКМ), как и в ЯКМ многих других языков, реализуется целый ряд метафор времени – пространственных (*перед Новым годом; экзамены уже позади*), динамических (*Время бежит, летит; Время остановилось*), ценностных: время – это ценность, которую можно тратить, терять, отнять, дать, взять; время – это ограниченный ресурс, который может кончиться; «время – деньги» [Лаков, Джонсон 1990] (*Я потратил / потерял / сэкономил много времени; Не хочу отнимать у вас время; Даю вам немного времени на выполнение этого задания; Время кончилось*).

В русской грамматической системе закодированы когнитивные модели времени, соответствующие как его обыденному, так и естественнонаучному и философскому познанию. Особую значимость среди таких моделей имеет четко организованная морфологиче-

ская глагольная категория времени, обладающая большим когнитивным потенциалом: «временная категоризация в концептуальной картине мира находит отражение во временных формах и языковые формы времени позволяют объективировать восприятие временных отношений в действительности, то есть используются как орудие познания (когниции)» [Шарандин 2001: 82]. В морфологической категории времени реализуется ряд взаимосвязанных более частных когнитивных моделей линейного, динамического и однонаправленного (необратимого) времени. Фиксация линейного и однонаправленного течения времени опирается на обыденный опыт познания человеком объективной реальности и онтологии времени: невозможно вернуться в прошлое, и однажды бывшее никогда не повторится. Отражение направления течения времени и восприятие различных временных планов связано с философским осмыслением данной понятийной категории.

2.2. Статические / динамические темпоральные модели, направление течения времени. Представления о времени, реализованные в русской морфологической глагольной системе, по своей сути **антропоцентричны и дейктичны**, т.е. ориентированы на говорящего и момент речи. При этом в парадигматике закреплена **статическая** модель времени: события прошлого и будущего рассматриваются как реально существующие наряду с событиями настоящего, а различие между ними определяются только отношением к постоянной точке отсчета – моменту речи. Формы прошедшего времени выражают предшествование называемого действия моменту речи (*работал, построил*); формы настоящего времени – одновременность (*работает*); формы будущего времени – следование после момента речи (*будет работать, построит*). Противопоставление морфологических форм времени поддерживается соответствующей темпоральной лексикой (*в прошлом, в то время; в настоящем, сейчас, в данный момент; в будущем*).

Но в речи статическая модель заменяется на **динамические модели**, согласно которым течение времени проявляется в перемещении событий на временной шкале относительно точки отсчета. «Говорящий расчленяет время, рассматривая все временные местоположения, которые удаляются от него (или от которых он удаляется), как прошедшие, все те, которые приближаются к нему (или к которым он приближается), – как будущие, а факты, местоположение которых на линии совпадает с моментом речи, – как настоящие» [Кошмидер 1962: 133]. При этом точная датировка на временной шкале (например, *А.С.Пушкин родился в 1799 г.*) помимо соотносительности с точкой отсчета – моментом речи, имеет скрытую ориентацию на событийный исходный момент – Рождество Христово, который в силу существующей конвенции обычно не эксплицируется.

Э.Кошмидер подчеркивал относительность точки отсчета и подвижность системы временных координат, реализованных в языке: в речи могут быть представлены модели как с неподвижной точкой отсчета (*Приближается решающий момент*), так и с перемещающимися ориентирами относительно стабильной точки отсчета (*Мы приближаемся к решающему моменту*). В первом случае «из будущего в прошлое, минуя субъект, перемещаются точки временной линии», т.е. «он наблюдает временные местоположения по отношению к себе», во втором – «по временной линии из прошлого в будущее перемещается субъект», т.е. субъект наблюдает «себя самого или другое лицо по отношению к временным местоположениям» [Кошмидер 1962: 136].

В основе динамических языковых моделей времени лежит идея изменения, получившая разнообразное обоснование в философских теориях. «Изменение... составляет корень, или сущность времени, осложняемую лишь различными привходящими подробностями и обстоятельствами, отвечающими на вопрос, как это изменение совершается. Изменение же можно определить как единство исчезающего, пребывающего и появляющегося. Иными словами, изменение есть единство прошлого, настоящего и будущего. Время и изменение не связаны друг с другом, а просто есть одно и то же, лишь выражаемое равными словами и в разных аспектах мысли» [Аскольдов 1922: 80]. Но изменение можно заметить только лишь в том случае, если есть **наблюдатель**. «Об изменении можно говорить лишь в том случае, когда моменты изменения как-то объединены. И это объединение

непредставимо и невысказуемо иначе, как в сознании или через сознание. Область материальных изменений, если отмыслить от нее сознание наблюдающего субъекта... потеряла бы свою изменчивость» [Аскольдов 1922: 80]. Наблюдатель присутствует в большинстве философских теорий времени¹; наблюдатель находится в центре языковых моделей времени. При этом «наблюдательный пункт» («точка отсчета») может быть как неподвижным, так и передвигающимся вдоль оси времени, что определяет представления о направленности течения времени.

Представления о временной направленности событий из будущего в прошлое (*Приближается день отъезда, все разъедутся и дом опустеет*) связано с мировоззрением, основанном на признании предопределенности взаимодействия субстанций и порядка событий [Лейбниц 1982]. При этом в языковой линейной модели времени не отражается конечность земного мира – языковые представления о времени таковы, что его можно неограниченно продолжать как в будущее, так и в прошлое.

Языковая модель временной направленности событий из прошлого через настоящее в будущее (*Мы закончили работу вовремя, теперь оформляем заявку, подадим работу на конкурс и будем ждать решения жюри*) базируется на естественнонаучных теориях времени. Между событиями существуют причинно-следственные отношения: прежде чем произойдет какое-либо явление в будущем, должны осуществиться все предшествующие ему изменения, которые его вызывают – прошлое порождает настоящее и будущее [Лавриненко 1997]. Человек, как активный действующий субъект, также обращен к будущему – «в модель жизни вошло целеполагание», а «движение к цели есть движение в будущее» [Арутюнова 1997: 59].

2.3. Относительное время. Несовпадение точки отсчета с моментом речи определяет относительность темпорального значения временных форм, что вызывает некоторые ассоциации с теорией относительности. Соотношение абсолютных и относительных времен отражает логическая модель Рейхенбаха, согласно которой различаются: момент события (point of event - E), момент речи (point of speech - S) и точка отсчета (point of reference - R), с позиций которой рассматривается событие. Отношением E к S (при совпадении S и R) определяется значение абсолютных времен: прошедшее (E – S), настоящее (E, S), будущее (S – E), а отношением E к R (при несовпадении R и S) – относительные (релятивные) времена [Reichenbach 1947]. В русском языке не существует специальных форм относительного времени, которое может быть выражено обычными временными формами, вернее их соотношением, в некоторых синтаксических конструкциях, прежде всего в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным, ср. *Он сказал (R), что вернется (E) в четверг, а сегодня уже пятница*. В этом предложении выражается относительное будущее, т.е. следование события *вернется* по отношению к точке отсчета, которой служит действие *сказал* (R – E), при отнесенности всей ситуации к прошлому, т.к. R предшествует S, поэтому и E предшествует S.

Характер точки отсчета при темпоральном оформлении обозначаемого в предложении события меняется в зависимости речевого или нарративного коммуникативных режимов [Бенвенист 1974]. Речевой режим соответствует полноценной коммуникативной ситуации, когда момент речи определяется как настоящий момент говорящего, который совпадает с настоящим моментом адресата. В нарративном (повествовательном) коммуникативном режиме точка отсчета также не идентична моменту речи, так как не существует полноценного говорящего, временные формы интерпретируются относительно другой точки отсчета – текущего момента текстового времени [Падучева 1996: 283].

¹ Лишь в теоретической физике для описания объектов внешнего мира с точки зрения их временного поведения, наряду с другими идеями, до сих пор актуальны представления о временном порядке и длительности процессов, при которых нет никакой необходимости в понятии течения времени [Казарян 1980]. Модель временного порядка также находит отражение в языке (см. раздел 3).

2.4. Когнитивные основания глагольных значений настоящего, прошедшего и будущего. Настоящее время во временной системе русского языка, по определению выражающее одновременность с моментом речи, с одной стороны, является наиболее широким временным планом (с точки зрения функционирования презентных форм в значении настоящего), а с другой – актуальное настоящее, совпадающее с моментом речи, – это миг, разделяющий прошлое и будущее. Таковую противоречивость сущности языкового настоящего времени отражают и существующие лингвистические определения данной категории.

Р.Якобсон считал настоящее время типично беспризнаковой категорией («настоящее как таковое не определено в отношении времени» [Якобсон 1985: 215]) – глагольные формы настоящего времени активно транспонируются во временные планы прошедшего и будущего времени, а в своем основном значении легко сочетаются с показателями прошедшего и будущего времени, демонстрируя связь настоящего с соответствующими временными планами: *Я вас уже давно жду – с пяти часов. Сегодня мы работаем до семи часов вечера.* По мнению Ю.П.Князева, настоящее время не занимает какой-то самостоятельной области на временной оси, представляя собой соединение смежных участков прошлого и будущего, длительность которых зависит от особенностей обозначаемой ситуации. Еще в античных грамматиках настоящее трактовалось как соединение прошедшего и будущего «без всякого разрыва»: предложение *Я пишу стихотворение (scribo verbum)* уместно, по словам Присциана, «пока я еще не дошел до конца, и часть его уже написана, а часть еще должна быть написана» [Князев 1997: 133].

Анализ семантики и функционирования форм настоящего времени в русском языке свидетельствует об их вполне определенном категориальном значении, которое, однако, не исчерпывается лишь одновременностью с моментом речи. В настоящем времени в русском языке предстают действия, которые реализуются не только во время речевого акта, но и до и после него или вообще постоянно (*Он живет здесь уже двадцать лет. Волга течет на юг*). К настоящему времени относятся также повторяющиеся, узуальные, обобщенно-потенциальные действия (*Он каждый день ходит в школу. Она иногда опаздывает. Этот материал не мнется. Смелость города берет*). Такое грамматическое осмысление названных и подобных им действий возможно потому, что для говорящего они являются, вследствие их устойчивости и стабильности, актуальными характеристиками объектов, действительными и для момента речи. «Тем самым изменяется характер отношения одновременности речевого акта: он совпадает не с осуществлением действия, а с «открытым бытием» указанных характеристик действия. Эти характеристики действия, как и конкретные разовые действия настоящего, имеют для говорящего статус актуальной действительности, в которой он живет и с которой взаимодействует» [Шелякин 2001: 94].

Таким образом, все разновидности значения настоящего времени объединены общим признаком «открытого бытия», т.е. одновременности с актуальной действительностью говорящего, которая определяется говорящим с учетом не только своего опыта и знаний, но и опыта и знаний других лиц. Значение одновременности является основополагающим и для осмысления физического времени. «Мы должны обратить внимание на то, что все наши суждения, в которых время играет какую-нибудь роль, всегда являются суждениями об одновременных событиях. Если я, к примеру, говорю: “Этот поезд прибывает сюда в 7 часов”, – то это означает, примерно следующее” “Указание маленькой стрелки моих часов на 7 часов и прибытие поезда суть одновременные события” [Эйнштейн 1965: 8].

В русском языке нет специальных морфологических средств для разграничения актуального и неактуального (обобщенного, узуального) настоящего (как, например, в английском языке, в котором противопоставлены времена группы *Continues* и *Indefinite*), тем не менее данные разновидности настоящего времени требуют строгого разграничения в силу не только своей семантики, но и закономерностей употребления в этих временных планах видовых форм. Настоящее актуальное и настоящее постоянное совместимы лишь с

глаголами НСВ, тогда как настоящее неактуальное (настоящее повторяющегося, узуального и обычного действия) допускает в особых синтаксических условиях наряду с глаголами НСВ также употребление и глаголов СВ. Ср.: *Бывают минуты, когда люди неожиданно **откроют** то, что годами скрывали. Этот участок дороги автомобили обычно проедут, но при следующем повороте большинство из них сходит с трассы.*

Значение неактуального настоящего заложено (как побочное, периферийное) в самой форме простого будущего (презентной форме СВ) наряду с ее основной семантикой будущего [РГ-80: 629], решающую роль в актуализации одного из двух возможных значений играет окружающий контекст в высказывании. Связь временных значений одной формы имеет когнитивные основания: то, что действительно вообще, может быть действительным и для будущего. Особенно наглядна эта связь при выражении настоящего потенциального. При употреблении презентных форм СВ для обозначения свойств предмета совмещаются значения будущего и настоящего времени узуального действия: свойства субъекта представляются как потенциальная способность (или неспособность, при отрицании) осуществить то или иное действие в любой момент – и в момент речи, и в будущем. *Он все знает, на любой вопрос **ответит**.* Презентные формы СВ с данным значением распространены в отрицательных обобщающих конструкциях: *из песни слова не выкинешь, всего не расскажешь*, особенно в разговорной речи: *тебя не дозовешься, не добудишься*.

Ввиду семантической неоднозначности формы простого будущего данная форма и форма составного (аналитического) будущего обычно рассматриваются как две разные формы будущего, тогда как претеритальные формы глаголов СВ и НСВ рассматриваются как одна форма прошедшего времени [РГ-80: 629].

Будущее время в грамматической системе русского глагола не противопоставлено как потенциальное настоящему и прошедшему как реальным временам: все три времени в рамках изъявительного наклонения интерпретируются в грамматической системе как реальные. Об этом же свидетельствует семантическая двойственность формы простого будущего, о которой шла речь выше, а также этимология формы составного будущего, не включающая, в отличие от целого ряда языков, в свой состав модальных элементов. Это соответствует современным естественнонаучным представлениям о будущем времени. «В процессе проектирования сложных систем реализуется такое истолкование времени, которое было чуждо теоретической физике. Время понимается не как некоторая рядоположенность прошлого и будущего в статике, а как время, нацеленное на будущее. Причем будущее выступает не в значении чего-то чуждого человеку, неотвратимо надвигающемуся (как это имело место для прежних физических исследований). Будущее, по крайней мере, ближайшее будущее, как модус времени, предстает как то, что можно творить, создавать, используя план действий, полученных на основе научных исследований, как что-то подвластное человеку, не безразличное его интересам» [Казарян www.chronos.msu.ru]. Хотя отметим, что в обыденной русской речи частотны модальные способы выражения будущих индивидуальных действий (*я собираюсь, я хотел бы*), а также имплицатуры («если А, то В»: *Если все будет нормально, то в следующем году мы поедим в Крым*).

Как уже говорилось выше, «прошедшее время глаголов несов. и сов. вида выражается одной и той же формой: в этой форме выступают глаголы разных видов, но с точки зрения категории времени это одна морфологическая форма» [РГ-80: 629], а все возможные интерпретации значений форм прошедшего времени (перфективное, имперфективное, аористивное, предпрошедшее) предстают как результат взаимодействия вида, лексического значения глаголов и их контекстного окружения. Например, в следующем небольшом отрывке из рассказа Б.Пильняка реализованы все контекстные значения формы прошедшего времени глаголов СВ и НСВ: *Мрак окончательно укутал (перф.) землю... дождь капал (имперф.) безнадежно, безнадежно ревел (имперф.) заводский гудок. Шел (имперф.) по квадратным аллеям парка, через парк, к клубу, не дошел (аорист.), свернул (аорист.) к школе, пошел (аорист.) к Нине: вместе, в маленьком городишке учились (плюскваперф.) - и*

с тех пор, ибо любовь одна, - он остался (перф.) для нее навсегда - одним, единственным...

Простая система времен русского глагола обуславливает имплицитное выражение многих частных временных значений и большую роль вида, а также контекста в их реализации. Кроме того, это способствует активному использованию форм времени в переносном значении, метафорически: формы настоящего используются для обозначения как прошедших (*Вчера выхожу из дому и вдруг вижу нашего кота...*), так и будущих событий (*Завтра я еду в библиотеку; В следующем году он поступает в университет*), формы будущего СВ – для выражения прошедшего события (как неожиданного и удивительного: *Скажут ведь такое!*), формы будущего НСВ в значении настоящего, вызывающего неодобрительную оценку говорящего (*Ты мне еще будешь об этом рассказывать!*); формы прошедшего в значении близкого будущего (*Все, не волнуйся, я уже ушла*), неизбежного будущего (*Если ты опоздаешь, мы пропали*) и др. (подробнее см. [Гловинская 2001]).

Такое свойство временных форм русского глагола привело многих грамматистов-славянофилов в 19-ом веке к выводу, что в русском языке временные формы не имеют постоянного значения, а зависят от вида и способов действия. Данному выводу придавался философский и идеологический смысл, что вело к рассуждениям «о различии между внешней, рационалистически отвлеченной категоризацией жизненного опыта, составляющей, согласно славянофильской концепции, сущность западной ментальности, и органическим подходом, стремящимся проникнуть в «жизненную» сущность явлений, — то, что составляет отличительное свойство русской культурной традиции», а также и русского языка [Гаспаров 1999]. Поэтому категории глагольного вида в российской лингвистике традиционно всегда уделялось большое внимание (см. раздел 4).

3. Событийная соотносительная (таксисная) модель

3.1. Таксис. Точка отсчета в динамической (событийной) модели времени может быть не актуализирована: реализуется не только действительное (*прошлое – настоящее – будущее*), но и событийное **соотносительное время** (*раньше – одновременно – позже*). В связи с выражением представлений о хронологической последовательности событий выделяют функционально-семантическую категорию **таксиса**, которую Р.Якобсон четко отграничивал от категории времени. "Время характеризует сообщенное событие со ссылкой на акт речи. Таксис характеризует сообщенное событие со стороны его отношения к другому сообщенному событию без ссылки на акт речи" [Якобсон 1972: 101]. В категории таксиса реализуется одна из основных языковых интерпретаций идеи времени – чувственно-эмпирическая, при которой время предстает как мера движения (в широком смысле этого слова) и изменения предметного мира и проявляется в последовательности дискретных явлений.

Семантическая категория таксиса в Теории функциональной грамматики (ТФГ) трактуется как временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени. Соответственно таксисные отношения между действиями реализуется лишь в рамках одного временного плана [ТФГ 1987: 237-238], т.е. речь идет о так называемых контактных действиях, при выражении которых реализуется синтаксическая функция вида. Вслед за Р.Якобсоном, в ТФГ выделяется независимый и зависимый таксис. Центральными компонентами первого выступают видо-временные формы в простых предложениях с однородными сказуемыми и сложные предложения: сложносочиненные, бессоюзные, сложноподчиненные с придаточными времени (сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины, следствия, уступки рассматриваются как периферийные компоненты). Зависимый таксис выражается прежде всего конструкциями с деепричастиями [ТФГ 1987: 240]. Основным средством выражения таксисных отношений в русском языке являются видовые формы. Ср.: *Когда мы подошли к дому, он решил вернуться; Поднявшись на мост, она помахала*

мне рукой (разновременность, последовательность) // *Когда мы **подходили** к дому, он решил вернуться; **Поднимаясь** на мост, она махала мне рукой* (одновременность).

Хронологические отношения между действиями, относящимися к разным временным планам и выражаемые разными временными формами, в ТФГ не считаются таксисными. Так, в следующем предложении обозначается многоплановая темпоральная ситуация, в рамках которой соотносятся разные временные планы – прошлого (по отношению к моменту речи автора) и будущего (по отношению к прошлому), поэтому она выходит за рамки таксиса: *Мог ли тогда знать дедушка, что лет тридцать или сорок спустя по этому же пути... **пройдет** линейка с осетином на козлах, в которой среди прочих экскурсантов... **будет ехать** и одна из его многочисленных дочерей...* (В. Катаев) [ТФГ 1987: 238]. Формы времени участвуют в выражении таксисных отношений только в определенных синтаксических условиях: в сложноподчиненных предложениях с придаточным изъяснительным, так как обозначают здесь действия, отнесенные к одному временному плану, ср. *Я видел, как он вошел* (ср. *входил, входит*).

3.2. Категория временного порядка. Хронологические отношения между действиями, выражаемые в пределах одного текста, но в разных предложениях в ТФГ в связи с категорией таксиса не рассматриваются, хотя ясно, что таксисные отношения значимы и для построения текста, причем «текстовый» таксис имеет свои особенности как с точки зрения содержания, так и формы выражения. Поэтому А.В.Бондарко в работах последних лет предложил, помимо таксиса, выделять более общую **категорию временного порядка**, которая выходит за рамки полипредикативных конструкций в текст. Временной порядок трактуется «как отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление «времени в событиях», т. е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов (*на другой день, через пять минут* и т. п.), иными словами «поток времени, воплощенный во временной упорядоченности (том или ином расположении на линии времени) событий, процессов и состояний (вместе с интервалами и «датами»)» [Бондарко 2002: 519-520]. Когнитивным основанием данной лингвистической категории служит философская концепция Г. Рейхенбаха: «... мы никогда не измеряем "чистое время", но всегда процессы, которые могут быть периодическими, как в часах, или непериодическими, как в случае свободного движения точечной массы. Каждый промежуток времени связан с каким-либо процессом, ибо в противном случае он не был бы воспринят вообще... Только события в реальном причинном процессе являются упорядоченными во времени» [Рейхенбах 1985: 135-136, 170]. Для категории временного порядка неактуальны понятия наблюдателя и точки отсчета.

Г.А.Золотова в «Коммуникативной грамматике», используя традиционный термин «таксис», расширяет его применение по отношению не только к хронологической соотнесенности обозначаемых ситуаций в тексте (в том числе и в разных временных планах), но также к модальной и персональной связанности (релятивности) [Золотова и кол.1998: 219-220].

4. Темпоральные модели протекания действия

4.1. Аспектуальные категории русского глагола. Средства русского языка позволяют фиксировать и другие характеристики событий на временной шкале безотносительно к моменту речи. Типологической особенностью русского (и, шире, славянского) глагола является то, что в его семантической структуре время реализовано и зафиксировано как категориальный компонент [Гийом 1992: 11].

Действие по своей онтологической природе может быть охарактеризовано по множеству параметров, большая часть которых связана со временем, – фазисных (начало/конец, продолжение/завершение), результативности / нерезультативности, мгновенности/длительности, кратности и др. Многие из данных характеристик легли в содержатель-

ную основу грамматической категории вида, лексико-грамматических, словообразовательных и функционально-семантических аспектуальных категорий. Характерно, что онтологические параметры предметных сущностей, такие, как размер, цвет, форма, материал и т.п., по наблюдениям типологов, в языках различного типа, как правило, не получают статус лингвистически релевантных признаков, то есть не влияют на синтагматические и парадигматические характеристики соответствующего класса слов [Talmy 1988: 171].

Именно с видом, реализацией в нем временных представлений и с глагольным словообразованием К. С. Аксаков связывал своеобразие русского глагола и русского языка в целом. «Глагол в русском языке выражает самое действие, его сущность..... Язык наш обратил внимание на внутреннюю сторону или качество действия, и от качества уже вывел, по соответствию, заключение о времени..... Вопрос качества, вопрос: *как?* есть вопрос внутренний и обличает взгляд на сущность самого действия; вопрос времени, вопрос: *когда?* есть вопрос поверхностный и обличает взгляд на внешнее проявление действия». [Аксаков 1855: 12, 15].

Производные глаголы в русском языке выражают этнолингвистически значимые комбинации смыслов, концептуальный сплав (blending), представляющий разделенное знание (shared knowledge) для всего сообщества говорящих на данном языке, т.е. то знание, которое отражаясь в стандартных словообразовательных моделях, легко и привычно выражается на данном языке, но которое с трудом (именно как сплав смыслов) переводится на другие языки, в которых таких моделей нет. Специфику ЯКМ во многом определяют такие блоки смыслов, которые легко и частотно выражаются на одном языке, а на другом языке «вообще не мыслятся». Для русского глагола характерны комбинации фазисно-результативных характеристик действия, многие из которых в силу особенностей синтетической формы выражаются имплицитно, что затрудняет их перевод на неславянские языки. Ср.: *Что ты говоришь? Ты договорился до абсурда.* Естественный перевод этого предложения на английский язык (*What are you saying? You are talking nonsense*) не выражает того, что конечная ситуация является негативным результатом предшествующей ситуации. Более точный перевод воспринимается как менее естественный, ср. *You have spoken so much that you are now speaking nonsense.* Причем и здесь есть неточность: негативный результат может быть достигнут не обязательно вследствие длинных речей, но и вследствие неверно логически построенных рассуждений. И это не единичные случаи, когда значение производного глагола трудно естественным образом вне контекста передать аналитическими средствами, например: *дозвониться, достучаться, добудиться, дожидаться, (ring and get answer, knock until heard, succeed in waking, wait for sb. and ?...).*

В русском языке многие временные характеристики действия выражаются подробно, с тонкой семантической дифференциацией. Например, в русском языке выделяется несколько семантических типов начинательности: ‘начало длительного действия’ (инхоативность – *он заходил по комнате = начал ходить по комнате*), ‘начало без четкой прорисовки продолжения действия’ (ингрессивность – *он закричал = он крикнул или он начал кричать*, в зависимости от контекста); ‘начало и усиление действия’ – *он раскричался*.

Линейная и однонаправленная событийная модель времени связана в русском языке с характером протекания действия во времени – с представлениями о начале и конце процессов и действий, а также о временной границе между ними. Семантика временной границы, предела действия в русском языке получила статус категориальной в глагольном виде. Предел действия как категориальный видовой смысл в большинстве случаев тождествен временной границе действия – конечной, достижение которой у терминативных глаголов СВ обуславливает значение результата как начала качественно нового состояния актантов действия (*построить дом, написать очерк, посадить дерево*), или начальной – прежде всего у фазисно-временных дериватов, образованных от базовых глаголов гомогенных процессов и деятельности (типа *засуетиться, зашуметь*).

4.2. Семантическая доминанта русской аспектуальной системы. Концепт ‘временной границы, или временного предела ситуации’ выступает как семантическая доми-

нанта в русской аспектуальной системе и, возможно, в русской ЯКМ (семантические доминанты представляют собой фундаментальные идеи, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознаваемости [Падучева 1996а]). Концепт временной границы действия получил статус категориальной как в грамматике, так и в лексике и словообразовании, являясь концептуальной основой не только грамматической категории вида, но и лексико-грамматических разрядов терминативных глаголов и фазисно-временных способов глагольного действия (с приставками *за-*, *по-*, *про-*, *от-* и др.) [Петрухина 2003].

Важно отметить, что словообразовательная семантика русских производных глаголов, выражающих временные границы деятельности и процесса при помощи приставок (*за-*, *по-*), а также лексическое значение фазисных глаголов *начать*, *стать* подвергаются грамматикализации, приобретая в определенных типах контекста некоторые черты, свойственные грамматическим значениям, а именно обязательность и пониженную интенциональность [Бондарко 1994] употребления. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в русских претеритальных повествовательных текстах отмечается достаточно высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов СВ с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать*, *стать*. Ср.: *Иван Францевич прямо-таки остолебенел и даже руками замахал (? махал), словно хотел сказать: «Свят, свят! Изыди, Сатана!» Эраст Петрович засмеялся... (? смеялся)* (Б. Акунин); *Преодолевая слабость, он поднялся со скамьи и рывками... стал пробовать (?пробовал) открыть окно вагона* (Б. Пастернак).

Вид, наряду со словообразовательными и лексическими средствами, участвует в выражении однократности или повторяемости действия (ср. *Она встала /вставала в 8 часов*), заполненности / незаполненности действием временного отрезка (*Мы обсуждали эту проблему целый день; Он прочитал эту книгу за два дня*) и др.

5. Другие модели времени

В языке находит отражение и модель «неупорядоченного», **нелинейного времени**, которая реализуется в мире идей, – сформулированные законы, правила, обобщения характеризуются всеобщностью, своеобразной вневременностью, не отражая течения времени. Но так как в русском языке личная форма глагола должна иметь временной показатель, в этом случае используются форма настоящего времени, в силу обобщенности ее значения: *Земля вращается вокруг Солнца; Биссектриса делит угол пополам*. Такое употребление презентных форм глаголов НСВ в общем не противоречит их категориальному значению – одновременности с актуальной действительностью говорящего.

Для современной ЯКМ важна также **циклическая модель времени**, которая доминировала в архаических культурах. Циклические модели времени, основанные на представлениях о предопределенности и повторяемости событий, отражают циклы человеческой жизни, времен года и др. и реализуются в соответствующей лексике, называющей данные циклы: *ночь, день, неделя, месяц, век, год, зима, лето, каникулы, рождение, детство, юность, старость, смерть* и др. В циклической модели времени отсутствуют идеи «начала» и «конца», столь важные для современной русской ЯКМ и семантики русского глагола.

Во внутривглагольном словообразовании и способах действия реализуются также субъективная темпоральная модель оценки длительности действия (разновидность **психологического времени**) – продолжительность определяется субъективным восприятием ситуации: ср. *Мы постояли в очереди полчаса* (говорящий считает, что недолго). *Мы простояли в очереди полчаса* (говорящий тот же отрезок времени оценивает как продолжительный). Субъективизм в восприятии времени вообще характерен для русской картины мира, что имеет разнообразные языковые проявления. «Панибратским отношением» ко

времени Ю.С.Степанов назвал утопическую идею «ускорения хода времени» [Степанов 1997: 171], которая особенно явно проявилась в советской идеологии: само понятие «нового мира» было связано не столько с пространством (оно предполагалось неизменным), сколько со временем. С начала пятилеток в СССР постоянно ставился вопрос о «досрочном выполнении» пятилетних планов – в четыре, а то и в три года. В литературной форме это выразилось, например, в романе Катаева «Время, вперед!», где время мыслилось наподобие какого-то животного, которое можно погонять [Степанов 1997: 171]. Субъективное восприятие времени проявляется и в перестроечном призыве к «ускорению», в современных переносах рабочих и нерабочих дней перед или после праздников – «вторника на субботу, а субботы на воскресенье».

Элемент субъективизма и психологизма вообще присущ категории времени в языке, и можно лишь говорить о степени проявления такого субъективизма в разных языках, см., например, [Зализняк, Шмелев 1997]. От индивидуального психологического восприятия событий зависит не только оценка их продолжительности, как было отмечено выше, но и диапазон настоящего – изменение / стабильность определяет границу между настоящим и прошедшим: стабильность расширяет настоящее, ср. *Он нам звонит каждый день / Раньше он нам звонил каждый день, теперь я слышу его голос только по воскресеньям*. От индивидуальных особенностей человека и его жизненной философии зависит и восприятие будущего (его реальности, обусловленности или гипотетичности), что определяет способы его выражения, а также представления о направлении течения времени и др.

Однако именно языковые темпоральные категории эксплицируют познанное объективное содержание столь сложной категории, как время, доказывают в частности, что «есть некоторое общее «теперь» или «сейчас», однозначность которого в некоторых пределах пространства может быть объективно установлена, а для всего мира с достаточным основанием мыслима и представляема» [Аскольдов 1922: 83].

Список литературы

- Аксаков К. С. О русских глаголах. М., 1855
 Арутюнова Н.Д. От редактора // Язык и время. Логический анализ языка. М., 1997
 Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Язык и время. Логический анализ языка. М., 1997
 Аскольдов С. А. Время и его преодоление // Мысль, 1922. № 3
 Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1973
 Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола, Санкт-Петербург, 1994
 Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // ВЯ № 2, 1994
 Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002
 Гаспаров Б. Лингвистика национального самосознания // Логос. 1999. № 4
 Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992
 Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001
 Зализняк А. А., Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997
 Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998
 Казарян В.П. Понятие времени в структуре научного знания. М., 1980
 Казарян В.П. Темпоральность и естественные науки // www.chronos.msu.ru
 Кандрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Л.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах. М., 1982
 Князев Ю.П. Настоящее время: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1977

- Кошмидер Э. Очерк о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004
- Лавриненко В.Н. (ред.). Концепция современного естествознания. М., 1997
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. 1990
- Лейбниц Г.В. О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах Т.1. М., 1982
- Моисеев Н.Н. Время в нас и вне нас. Л., 1994
- Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996
- Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfologia e sintassi delle lingue slave.* Padova 1996a
- Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания, Санкт-Петербург 2003
- Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985
- (РГ-80) Русская грамматика, т.1. М., 1980
- (ТФГ) Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997
- Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов, 2001
- Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М., 2001
- Эйнштейн А., Физика и реальность, М., 1965
- Якобсон Р.О. О структуре русского глагола // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985
- Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972
- Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N.-Y., 1947
- Talmy L. The relation of grammar to cognition // Current issues in linguistic theory, 50. Topics in cognitive linguistics. Edited by B.Rudzka. Ostin, 1988